

УДК 81'373.612.2 + 81'42

СУППОЗИТИВНЫЕ АВТОМЕТАФОРЫ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

С. Б. Кураш

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

Ю. В. Ранчинская

аспирант Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: julia13313@mail.ru

Утверждение vs. отрицание несовместимы в классической логике вполне гармонично могут совмещаться в метафорическом моделировании поэтической картины мира. В данной статье анализируется метафорически выраженное отрицание на материале конструкций с личными местоимениями, так называемыми «суппозитивными метафорами», в частности, автометафоры русских поэтов преимущественно XX–XXI вв. с семантикой отрицания. Показано, что в анализируемых метафорических конструкциях тесно сплетаются диалектика отрицания, противопоставления и утверждения, что заложено в самой природе метафоры. Это способствует созданию концептуально ёмких, сложных, амбивалентных образов лирического «Я» как одного из доминантных смысловых центров лирического дискурса.

Ключевые слова: метафора, автометафора, утверждение, отрицание, личное местоимение, поэтический текст, лирическое «Я».

SUPPOSITIVE AUTOMETAPHORS WITH THE SEMANTICS OF NEGATION IN RUSSIAN POETIC SPEECH

S. B. Kurash

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: text2005@mail.ru

Y. V. Ranchinskaya

graduate student of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: julia13313@mail.ru

Affirmation vs. negation are incompatible in classical logic, but can be combined in the metaphorical modeling of the poetic picture of the world quite harmoniously. This article analyses metaphorically expressed negation based on the material of constructions with personal pronouns, the so-called «suppositive metaphors» with the semantics of negation in particular, the autometaphors of Russian poets mainly of the XX-XXI centuries. It has been illustrated that in the metaphorical constructions dialectics of negation, contrast and affirmation are closely intertwined and embedded in the very nature of metaphor. This contributes to the creation of conceptually capacious, complex, ambivalent images of the lyrical «I» as one of the dominant semantic centers of the lyrical discourse.

Key words: *metaphor, autometaphor, affirmation, negation, personal pronoun, poetic text, the lyrical «I».*

Введение. К семантической двуплановости, которую обычно называют в качестве одной из ведущих характеристик метафоры, прежде всего, принадлежат метафоры, сравнения, иносказания и т. д., где эффект достигается за счёт сходства вещей, а также антитеза, контраст и т. д., где параллелизм достигается за счёт их несходства [10, с. 217].

На своём начальном этапе «метафора ... имеет дело не с отождествлением разных предметов, а с различием внутри одного предмета, отличием предмета от самого себя. Точнее – точка уподобления двух разных предметов является точкой расподобления предмета с самим собой [1, с. 267].

Эта особенность метафоры имеет под собой более общие лингвистические основания. «Диалектика мира и его бытия, его гармония и противоречивость, симметрия и асимметрия объектов и явлений не позволяют существования четких границ между сходством и различием. Существует некая зона равновесия сходств и различий объекта(ов). Лингвокреативное сознание носителей языка заметило и отметило это равновесие (временное или постоянное, с чередованиями переменных перетягиваний в пользу того или другого, с колебаниями и отклонениями и т. д.) языковыми категориями. Человек и сам нередко стоит перед выбором в определении сходства и различия, и онтология его альтернативного состояния также находит свое языковое выражение», – отмечает М. И. Конюшкевич, иллюстрируя сказанное примером из известной песни: Речка движется и не движется – и отмечая многочисленность подобных высказываний в речи [5, с. 103].

Н. Д. Арутюнова видит в данном свойстве метафоры её родственность самой сути поэтического дискурса: «...поэзия часто начинается с отрицания, за которым следует противопоставление (...) образной, поэтической, имеет более сложную природу, чем просто утверждение чего-либо одного через посредство другого, ассоциативно (сходственно) связанного.

В трудах Р. О. Якобсона получил обоснование принцип параллелизма как ведущий принцип организации поэтического текста и – шире – поэтической речи. Тропеичность в широком смысле при этом рассматривается как один из важных показателей параллелизма. Именно по этому столь органически присущему поэзии принципу построена метафора (...)» [2, с. 20].

На то же свойство метафоры указывает и В.П. Григорьев, отмечая изоморфизм метафоры и диалога: «Во-первых, троп ... служит появлению в привычном слове нового “голоса”, нового авторского “акцента”, который внутренне полемичен по отношению к “старому”, общезыковому голосу...». Во-вторых, «...не так уж редко поэтам удаётся преодолеть сопротивление тропа и разнести семантические составляющие метафоры в полемические одна по отношению к другой реплики» [4, с. 120–121].

Как видно, несовместимое в обычной логике (утверждение vs. отрицание) [3, с. 12–13] вполне гармонично совмещается в метафорическом моделировании картины мира, где отрицание и утверждение можно рассматривать как «два полюса (или альтернативы) одного измерения» [3, с. 53], как «компоненты общей грамматической категории “утверждение/отрицание”» [9, с. 5]. Кроме того, «отрицание оказывает значительное влияние на актуализацию понятийной картины мира в личностном дискурсе и в речи персонажей художественных произведений» [7, с. 7].

Цель, методы и материал исследования. В данной статье ставится цель выявления языковых особенностей и систематизации типов языковых конструкций с личными местоимениями, реализующих метафорически выраженное отрицание, которые в лингвистической литературе называются «суппозитивными метафорами» [8, с. 201–225]. Основные методы исследования – компонентный и контекстный анализ, классификация, интерпретация. Исследование выполнено на материале поэтических текстов русских авторов преимущественно XX – XXI вв. с привлечением ресурсов Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Результаты и их обсуждение. Особой разновидностью суппозитивных метафорических построений является так называемая автометафора, т. е. метафорическое структурирование лирического «Я» по модели «X не есть Y», где X = «Я». В нашем случае – отрицательная автометафора, ср.: **Я – человек. Я не ковер** (Б. Слуцкий); **Я – человек, не труп** (И. Эренбург); **для него – не человек, / рыба я соленая** (Б. Слуцкий); **Я не сахар, сразу не растаю** (М. Айзенберг); **Я не дымом в чужую одежду вошел, / и не скука глаза мне кусает** (М. Айзенберг). В подобных случаях, как видно, реализуется концептуальная оппозиция «Я – ДРУГОЙ», входящая в более широкую оппозицию «СВОЁ – ЧУЖОЕ», которая чаще всего решается в пользу «левого члена».

Среди суппозитивных автометафорических построений с семантикой отрицания по тематической принадлежности «правого члена» можно выделить следующие варианты рассматриваемой модели, где в качестве чаще других Y выступают:

- конкретные понятия (наименования предметов, вещей, растений, животных и т. п.): **Я не портрет, / я не пейзаж, / но я живу на свете** (С. Кирсанов); **Я не шар сунский. / Лежу у берегов гребли, как / вытуклая лодка** (В. Соснора); **Почему я не собака, / а гонимый волк, / Волк, что бродит-нищевродит верстами души** (В. Блаженный); **И повторю – я вам не флейта, / я не игрушка вам...** (Е. Шварц);

- статусные номинации, ср.: **Я не раб, / я не враг, / бой не бью** (В. Соснора); **Я не одописец, а лирик** (Н. Глазков); **Выхода жду на пути обратном, / чтобы сказать им: хоть я и сторож, / грубые вещи, но я не брат вам** (М. Айзенберг); **Я не лунатик, я ночами сплю** (И. Жданов); **Я привел тебя в мир, где и сам я не царь** (О. Юрьев);

• прецедентные имена, главным образом, с целью концептуализации различия членов концептуальной оппозиции, что как бы дополнительно подчёркивает «самость» лирического «Я», ср.: *Поэты русские, / друг друга мы браним. / Парнас российский дрязгами заселен, / но все мы чем-то связаны родным – / любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рожденья конь мой розовый. Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый* (Е. Евтушенко). Крайним случаем выступает антагонизация членов концептуальной оппозиции в отрицательной автометафоре: *Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый избранник. / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русской душой* (М. Лермонтов); *А слева Сцилла, а справа Харибда – / Я не Одиссей!* (И. Чиннов); *Только чур – я не Тютчев / с мечтой о поверженной Хиве / Умиравший когда-то* (С. Стратановский); *И вот – я не Иван, / тем паче – не Царевич* (Г. Семенов).

Среди подобных примеров немало таких, в которых на месте Y присутствуют библейские символы, ср.: *Вырвется вдруг: я не червь, я не прах, / я не меченый атом в подпольных складах* (М. Айзенберг); *Боже, Боже, разве я не ангел, / Разве не мои это глаза / Из печали и небесной влаги, / Где так робко светится слеза?..* (В. Блаженный).

Нетрудно заметить, что семантика отрицания в анализируемых образных конструкциях нередко перерастает в логически вытекаемое утверждение (разумеется, учитывая и логику поэтического образа, нередко основанного на парадоксе) по принципу «X не есть Y → X есть Z».

В составе анализируемых тропических построений можно также наблюдать и дополнительные образно-стилистические эффекты. Так, например, Y и Z могут сближаться в звуковом и/или морфемном облике («паронимическая аттракция»), ср.: *Я никакой не лучик – / Луч!* (Л. Мартынов); *Хвостик маленький оранжев. / Ты не дятел, я не Дидель* (М. Айзенберг).

В качестве «правого члена» может выступать метафорическое словосочетание (так называемая «вложенная метафора»): *Я не шезлонг аллюзий* (В. Соснора).

Наконец, автометафоры рассматриваемого типа могут комбинироваться с иными типами суппозитивных метафор [6, с. 191–212], ср.: *Не подруга ты моя, / Это «ты» – второе «я»* (Г. Глинка); *Я – не пророк, они – не серафимы* (И. Бродский); *Я не евнух, и ты не девица* (О. Чухонцев).

Заключение. Таким образом, в структуре и семантике автометафорических построений русских поэтов (преимущественно XX – XXI вв.) тесно сплетаются диалектика отрицания, противопоставления и утверждения, что заложено в самой природе метафоры и является важным инструментом концептуальной образной оппозиции «Я – ДРУГОЙ», входящей в более широкую оппозицию «СВОЁ – ЧУЖОЕ», что способствует созданию концептуально ёмких, сложных, амбивалентных образов лирического «Я» как одного из доминантных смысловых центров поэтического дискурса.

Список использованных источников

1. Амелин, Г. Метафора как темпоральная структура / Г. Амелин // Логос. – 1994. – № 5. – С. 267–268.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 210 с.
4. Григорьев, В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 344 с.
5. Конюшкевич, М. И. Категория сравнения и бином языка / М. И. Конюшкевич // Русский язык: исторические судьбы и современность тез. докл. междунар. конгресса / МГУ, 13–16 марта 2001 г. – М. : МГУ, 2001. – С. 103.
6. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
7. Мантыева, Б. А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личностном и художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Б. А. Мантыева ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 23 с.
8. Старычонок, В. Д. Многзначность слова ў беларускай мове. У 3 кн. Кн. 2. Семантичная прастора чалавека ў мове і маўленні / В. Д. Старычонок. – Мінск : Колоград, 2017. – С. 201–225.
9. Ханова, А. Ф. Средства и способы выражения категории отрицания в татарском языке: в сопоставлении с русским и немецким языками : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / А. Ф. Ханова; Тобольская государственная социально-педагогическая академия. – Тобольск, 2010. – 25 с.
10. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

References

1. Amelin, G. (1994). Metaforakaktemporalnayastruktura [Metaphor as temporal structure]. Logos 5, 267–268. (In Russ).
2. Arutyunova, N. D. (1990). Metaforaidiskurs [Metaphor and Discourse]. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. Teoriyametafor [Theory of Metaphor]. Moscow : Progress Publ. (In Russ).
3. Bondarenko, V. N. (1983). Otricaniyekaklogiko-grammaticheskayakategoriya [Negation as logical and grammatical category]. Moscow : Science. (In Russ).
4. Grigoryev, V. P. (1979). Poetikaslova: nama teriale russkoy sovetskoy poezii [Word Poetics: on the material of Russian Soviet Poetry]. Moscow : Science. (In Russ).

5. Konyushevich, M. I. (2001). Kategoriya sravneniya i binom yazyka [The Category of Comparison and the Language Binomial]. Russkiy yazyk: istoricheskiy esud byisovremennost [The Russian Language: historical destinies and modernity]. Moscow : MSU. (InRuss).
6. Kurash, S. B. (2020). Metaforika belorusskoy i russkoy poezii: t eksto-diskursivnyj aspect [Metaphorics of Belarusian and Russian Poetry: text-discourse aspect]. Mozyr : MSPU named after I. P. Shamyakin. (In Russ).
7. Mantjeva, B. A. (2006). Otricanije v ponyatiynoy i yazykovoy kartine mira v lichnostnom i hudozhestvennom diskurse [Negation in conceptual and linguistic picture of the world in personal and literary discourse]. [Author's abstr. cand. philol. diss.] Moscow : Moscow State University named after M. Y. Lomonosov. (In Russ).
8. Starychonak, V. D. (2017). Mnagaznachnasc slova u belaruskay move. U 3 kn. Kn 2. Semantichnaya prastora chalaveka u move imaulenni [Polysemy of a Word in the Belarusian Language. In 3 Volumes. Volume 2. Semantic space of a person in language and speech]. Minsk : Kolograd. (In Bel).
9. Hanova, A. F. (2010). Sredstva i sposoby vyrazheniya kategorii otricaniya v tatarskom yazyke v sopostavlenii s russkim i nemetskimyazykami. [Means and Methods of Expression of the Category of Negation in the Tatar language as Compared with the Russian and German Languages]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Tobolsk. (In Russ).
10. Yakobson, R. O. (1975). Lingvistikaipojetika// Strukturalizm: «za» i «protiv». [Linguistics and Poetics// Structuralism: «for» and «against»]. Moscow : Progress. (In Russ).